

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.92

В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ: СИСТЕМНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Работа выполнена при поддержке гранта АБЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2020 гг.)», проект № 2.2.2.4/6926.

Рассматриваются концептуальные основания системной антропологической психологии, позволяющие анализировать инновационный потенциал личности в контексте понимания механизмов саморазвития человека как открытой самоорганизующейся системы.

Ключевые слова: инновационный потенциал личности; инновационное поведение; системная антропологическая психология.

Понятие «инновационная (новаторская) личность» ввел Эверетт Хаген (1963). Он исходил из предположения, что существуют различные «личностные синдромы», полнота которых отражает типичные признаки, характерные для традиционного общества и общества современного. В первом – это авторитарная личность, во втором – прямо противоположная ей во всех отношениях инновационная. Ссылаясь на теоретиков постиндустриального информационного общества [1–3], можно утверждать, что движущей силой современной экономики являются люди, и прежде всего те из них, кто обладает потенциалом преобразовывать свои возможности в действительность, особенно в сфере поиска, обнаружения и использования информации. Новая экономика требует другого работника; она выдвигает на первый план творческие потенции человека, его профессионализм и эрудицию, способность быть «избыточным», больше тех ролей и функций, в которых он заменяем и предстает лишь очередным смертным носителем «бессмертного социального начала». Происходит переход от технократической к антропоцентрической организации производства и труда.

В любом случае современность, рассматриваемая как эпоха инновационного общественного развития, предъявляет особые требования к человеку. Чтобы соответствовать этим требованиям, необходимо иметь определенные личностные установки, качества и ценности, которые бы позволили человеку эффективно участвовать в инновационных процессах. Инновационное поведение имеет внутри себя источник другой активности, нежели «напряженная потребность», с признания которой в качестве источника активности человека начинали свои построения многие теории классической и неклассической ориентации.

В свое время было выделено достаточно много различных эмпирических показателей и личностных критериев, связанных с процессами возникновения побуждения к инновационному поведению. Эти критерии удавалось выявлять в процессе изучения личности инноваторов – людей, проявляющих склонность к предпринимательской деятельности или добившихся в ней значительных результатов. Иными словами, основное внимание исследователей привлекала (и привлекает до сих пор) проблема личностной обусловленности мотивационных процессов, обеспечивающих включение человека в инновационную деятельность. Основной

вопрос, которым они при этом задавались, заключался в определении того, какими личными качествами должны обладать люди, способные выполнять предпринимательскую функцию, полагая, что предприниматель по своей природе является инноватором, т.е. человеком с особым психологическим профилем.

Можно представить, что совокупность всех этих показателей и обусловливает личностный ресурс, определяющий инновационный потенциал человека. Однако при этом остается нерешенным ряд проблем:

- все эти показатели, будучи эмпирическими, не представляют собой системы: их включение в инновационный потенциал человека не фундировано теоретически, они «пересекаются» между собой, в чем-то дублируя друг друга, но возникает ощущение, что они при этом не являются и рядоположенными, представляя собой детали разноуровневого ансамбля;

- даже если представить, что эти показатели достаточно полно характеризуют инновационный потенциал человека, остается проблема, каким образом и почему потенциальные возможности человека актуализируются в одних условиях и не актуализируются в других;

- классически и неклассически ориентированная психологическая мысль не смогла преодолеть дихотомию внутренних и внешних факторов, обуславливающих возникновение побуждения к инновационной деятельности «здесь и теперь»; преодоление указанной дихотомии возможно в рамках принципа системной детерминации (как одного из методологических средств постнеклассической науки);

- так называемый «диалектический метод» предполагает рассмотрение всех явлений и процессов «во всеобщей взаимосвязи, взаимообусловленности и развитии», что позволяет выделить три взаимосвязанных принципа: системности, причинности (детерминизма) и развития; именно эти три принципа выделены когда-то в психологии как приоритетные, но только сегодня они начинают связываться не декларативно, не путем «методологического слипания» в некоем абстрактном их единстве, а путем выделения саморазвивающейся системы (человек).

Источником инновационного поведения выступает «напряженная возможность», а потому для его понимания необходимо выйти за пределы поиска роли психического в достижении «устойчивого состояния» системы.

Здесь на первый план выступает не устойчивость состояния, а «устойчивость потока» (гомеорез), когда появление нового в системе (в процессе ее саморазвития) является тем, что обеспечивает устойчивость существования системы во времени и пространстве.

Сущность проблемы инновационного поведения заключается в том, что по природе своей оно может и должно быть понято как явление сверхадаптивного порядка, но остается без объяснения мотивация выхода человека «за пределы» (устоявшихся норм, традиций, установок, стереотипов, требований ситуации и т.д.). Решить проблему мотивации инновационного поведения нельзя путем анализа мотивировок, с помощью которых люди пытаются объяснить основания проявленных ими «запредельных» поведенческих форм

Можно полагать, что в феноменах инновационного поведения проявляет себя особая, только человеку присущая форма перехода возможности в действительность, т.е. заявляет о себе процесс саморазвития человека.

В системной антропологической психологии накоплен значительный теоретико-методологический и методический арсенал, позволяющий заложить каркас теории мотивации инновационного поведения, основанной на понимании механизмов саморазвития человека как открытой самоорганизующейся системы [4].

Системная антропологическая психология понимается нами в качестве относительно нового направления науки, особенность которого заключается в том, что его создатели исходно ставили своей задачей построение методологического базиса теории таким образом, чтобы он максимально укладывался в общее русло объективных тенденций становления психологического познания. Может показаться, что такая задача является избыточной. Действительно, если согласиться с Л.С. Выготским в том, что объективные тенденции развития науки существуют, выступая в качестве сил, незримо «стоящих за спиной» исследователя и подчиняющих себе его «ум и волю» [5], то можно и не тратить усилия на их осознание. Ведь каждый исследователь и без того находится в пространстве действия этих сил независимо от того, насколько он это осознает. С другой стороны, объективация самих тенденций позволяет исследователю сознательно войти в сердцевину «парадигмального сдвига», осознать свое место в общем движении науки, т.е. установить преемственную связь с теми, кто работал в науке до тебя и будет работать после тебя.

Наши исследования показывают, что тенденции развития науки можно выявлять с помощью историко-системного подхода, рассматривая его как частный случай приложения транспективного анализа к исследованию закономерностей движения научного познания [6]. Транспективный анализ – это не просто подход к исследованию развивающегося явления, но и принцип изучения явления в процессе его становления, т.е. закономерного усложнения системной организации, характерного для сложных целостностей (открытых систем). Несколькими циклами завершенных исследований было показано, что науку можно рассматривать в качестве открытой саморазвивающейся системы, закономерное усложнение системной организации которой сопровождается последовательным ростом уровня системности профессионально-психологи-

ческого мышления. Что касается аксиоматики, на которой выстраивается системная антропopsихология, то она вобрала в себя практически всю методологическую базу самоорганизующихся психологических систем (ТПС) [7]. Если касаться «истории вопроса», то на самом деле главным вопросом в свое время стал вопрос о природе взаимодействия как явления, обладающего порождающим эффектом. Фиксируя в экспериментальных исследованиях (которые проводились в начале 70-х гг. прошлого века в рамках исследовательской программы, вылившейся позднее в то, что называют сегодня смысловой теорией мышления О.К. Тихомирова) моменты смыслообразования, можно было с уверенностью заключить, что смыслы возникают сами, а не как результат специальной («смыслообразующей») деятельности человека [7]. Они «самообразовывались», оседая на предметах, определенным образом маркируя их в качестве значимых, необходимых, отвечающих человеку, его текущему состоянию. К такому «незапланированному продукту» привела попытка на экспериментальном уровне проверить гипотезу Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, инструментально нащупать это единство [8]. Тогда впервые мы встретились с самоорганизацией, характерной для человекообразных систем. И оно, это единство, открылось весьма специфично. Аффект (эмоция) опережает гностику (отражение), отношение идет впереди отражения, прокладывая дорогу произвольной деятельности и направляя тем самым логические процедуры, сокращая и структурно оформляя зоны поиска решения задачи. Эмоции указывали на смыслы, а те оказывались одной из характеристик элементов, составляющих логическую структуру ситуации. Становилось понятным, что смыслы (и эмоции, которые их считают) и есть проводники в сознание тех предметов, которые соответствуют текущему состоянию человека.

Так постепенно открывалась многомерная психологическая реальность, «субъективно искаженная» объективная реальность (Л.С. Выготский), но позволяющая действовать избирательно [5]. На любое изменение состояния человека (возникновение поисковой познавательной потребности, мотивов деятельности, целей и т.д.) ситуация отвечала динамикой ценностно-смысловой структуры, вместе с которой перестраивалась и предметная (формально-логическая) структура ситуации. Постепенно выяснялось, что ситуация тем и отличается от остальной объективной реальности, что имеет ценностно-смысловое измерение, при этом она является только частью, актуальным, динамическим и напряженным сектором жизненного мира человека.

Чтобы взаимодействие вообще стало возможным, необходимо такое соответствие противостоящих сторон (систем), когда каждая из них видит в другой «свое иное», пусть еще и не ставшее подлинно своим, но, не присвоив которое, т.е. не включив в собственную систему, под сомнением оказывается возможность устойчивого существования системы. По сути речь идет о законе, который обеспечивает порядок в ведомой нам вселенной – законе ограничения взаимодействий. Хаос бывает только там, где нет никаких взаимодействий, либо разрешены любые взаимодействия. Состоявшееся взаимодействие уже самим своим фактом указывает на соответствие, которое стало причиной взаимо-

действия. Взаимодействие в такой же степени проявляет соответствие, в какой соответствие выступает в качестве единственно и полной причины взаимодействия. В этом усматривается механизм самоорганизации, которым обладают открытые системы. Там, где есть соответствие, взаимодействие происходит самопроизвольно и мимовольно, когда речь идет о человеке. Только открытые системы способны удерживать внутренний порядок за счет отбора из окружающей среды исключительно того, что способно этот порядок обеспечить. Усложняясь в каждом акте взаимодействия за счет принятия в себя «своего иного», переструктурируясь, вписывая его в себя, системы наращивают уровень своей системной организации и потому живут до тех пор, пока могут усложняться. Поэтому самоорганизация является условием саморазвития открытых систем. Таковой кажется природа их эволюции, будь то человек, или научная теория, или биогенетическая система, или любая другая система, которую можно считать открытой. На этих постулатах закладывалась аксиоматическая база теории ТПС. Через призму этой теории становится понятной мысль Л.С. Выготского о том, что «психика есть высшая форма отбора» [5. С. 347], и слова С.Л. Франка о том, что «человек есть живой центр духовных сил, направленных на действительность. Это внутреннее, субъективное отношение человека к действительности, эта *направленность* человеческой души на мир, образующая самое существо того, что мы зовем нашей жизнью... оставалась совершенно вне поля зрения обычной, так называемой «эмпирической психологии» [9. С. 441].

Было показано, что такие заметные тенденции, как гуманизация, гуманитаризация, онтологизация психологического познания на самом деле представляют собой различные проявления общей тенденции развития науки по линии ее антропологизации. Можно быть уверенными в том, что психологи попытаются использовать все потенциальные источники, которые способны хотя бы намекнуть на наличие в них знания о природе человека как целостного явления. На то, что этот процесс реально происходит в науке, указывает возникновение различных проектов гуманистической, экзистенциальной, гуманитарной, христианской и т.д. психологий. Выскажем свое убеждение, заключающееся в том, что научная психология, кажется, окончательно прощается с надеждой открыть функцию психики, делая предметом исследования саму психику. Возможно, что одним из источников кризиса современной психологии и является постепенно приходящее осознание иллюзорности попыток угадать функцию психики, ее миссию и предназначение (психика отражает, ориентирует, регулирует, предвосхищает и т.д.) и на основе эмпирически определенного феномена построить некоторое целостное (системное) представление о нем самом. Ведь практически все эти догадки уже давно обрели статус объяснительных принципов.

В отличие от других вариантов антропологической психологии (или «психологической антропологии» — понятия, часто выступающего в качестве синонима или аналога антропологической психологии), мы используем понятие «системная антропологическая психология». Это вовсе не означает, что другие варианты антропологической психологии «не системны» или «ме-

нее системны». Мы вовсе не хотим подчеркнуть этим понятием («системная») качество теории, но принципиально отстаиваем свое понимание образа человека в психологии. Человек постепенно становится предметом психологической науки, но результаты трансспективного анализа убеждают нас в том, что собственно психологическое (а не любое другое) исследование человека начинается в том случае, когда сознание, психика, психическое вообще начинают пониматься через ту миссию, которую они выполняют в системе целостного человека, обеспечивая ему возможность становиться (и оставаться) открытой самоорганизующейся системой, режимом существования которой является саморазвитие. Сформулированный в такой форме принцип системности обретает парадигмальный статус. В теории психологических систем, известной по аббревиатуре ТПС, разработку которой в свое время начал один из авторов (В.Е. Ключко), человек рассматривается как сложная динамическая пространственно-временная организация. В ТПС изначально был заложен антропологический ход, объективирующий возможность движения психологического познания «от человека к психике». Реализовать его было крайне непросто в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, такой ход противоречил общепринятому движению психологической мысли «от психики к человеку», сопровождающемуся попытками понять функцию психики, изучая ее саму и выдвигая при этом различного рода догадки о том, для чего предназначено это сложнейшее устройство. Этих догадок накопилось много: психика отражает, предвосхищает, ориентирует, регулирует, адаптирует и т.д. Некоторые из них до сих пор остаются не только весьма авторитетными, но и приоритетными. Проблема в том, что ни одна из этих догадок, ни их сумма не покрывают дефицит нашего знания о психике. Этот дефицит воспроизводится неизбежно и постоянно в связи с тем, что в исследованиях все время обнажается интимная связь психики со своим более высоким «целым», с которым она связано иерархически и субординационно. Во-вторых, в то время не только в психологии, но даже в эпистемологии еще не была озвучена мысль о наступлении постнеклассической стадии развития науки, приоритетным предметом в которой станут саморазвивающиеся «человеко-размерные» системы. Поэтому крайне не просто было доказывать саму возможность теоретического (системного) определения предмета науки. Еще сложнее было говорить о том, что в процессе исследования пусть и теоретически определенной, но при этом вполне реальной («живой», развивающейся) системы, психика открывается в особой роли, которую невозможно было даже помыслить в процессе познания ее самой в качестве полного (эмпирически определенного) предмета науки. Поэтому на первых этапах развития ТПС не было большого смысла акцентировать антропологический характер используемой парадигмы.

Системный ракурс (человек как самоорганизующаяся система) задает только один из возможных путей подхода к человеку как предмету психологического (а не какого-либо другого) познания, одновременно намечая контуры предметного и проблемного полей, предопределяющих количество и качество научных задач, решение которых допустимо в рамках данной методологии.

Появилась возможность просчитать объективные тенденции в становлении психологического познания и понять, что такие часто выделяемые тенденции, как гуманизация, гуманитаризация, онтологизация психологии, которые рассматриваются чаще всего как отдельные и рядоположенные, на самом деле являются только различными формами, различными проявлениями одной тенденции – антропологизации психологического познания. Она, на наш взгляд, и выражает сущность парадигмального сдвига, происходящего в науке. Кроме того, изменился уровень системности мышления психологов: им теперь неимоверно легче понять человека как саморазвивающуюся (самоорганизующуюся) систему. Именно с такими системами имеет дело постнеклассическая наука, а это означает, что достаточно настойчиво обсуждаемая в психологической литературе проблематика «устройства» науки, опирающейся на идеалы постнеклассической рациональности, все равно выведет к целостному человеку, к системно определенному человеку в качестве предмета науки.

В рамках такого подхода психическое предстало в своей пространственной непрерывности – как то, что обеспечивает дальное действие всей системы, позволяя ей осуществлять отбор из среды того, что соответствует ее наличным потребностям (т.е. обладает смыслом) и возможностям (т.е. имеет статус ценности, ибо саморазвитие и есть переход возможности в действительность, обеспечивающий устойчивое существование системы). Фактически это определило переход теории в пространство системной антропологии. Оказалось, что такой переход вовсе не отбрасывает методологические принципы психологии, естественным образом сложившиеся в ней, но интегрирует их в рамках нового и более сложного принципа. Например, принципы системности, развития и детерминизма утрачивают свою былую автономность, когда в качестве предмета науки появляется саморазвивающаяся система. Определяющее значение обретает принцип системной детерминации, позволяющий объективировать те эффекты саморазвития, которые выступают в виде психологических новообразований, детерминирующих выбор человеком конкретных направлений саморазвития. «Самореализация личности» есть только форма, в которой проявляет себя саморазвитие человека – основной способ существования его в качестве открытой самоорганизующейся системы [10]. Мы убеждены, что антропологическая психология представляет собой достаточно широкое предметное и проблемное поле науки, контуры которого едва намечены, но именно к этим полям устремлена транспектива психологического познания.

Разнообразие научных теорий является неотъемлемым атрибутом научного прогресса, при этом само это разнообразие выражает его (прогресса) эволюционную направленность. Собственно этот факт и схватывает понятие «транспективы»: наука не развивается изнутри, но, будучи открытой системой, активно взаимодействует со своей средой и обогащается, активно вычерпывая из нее недостающие ей образцы мышления, способы рассуждения, приметы преодоления дихотомий, образы человека, существующие в пространстве философского, религиозного, космологического, эзотерического и любого другого знания.

Получены знания о том, как формируется «многомерное пространство жизни» человека, как последова-

тельно это пространство обретает новые измерения, и вслед за этим поднимается на новые уровни сознание человека [7]. При этом сам человек выходит на новые ступени суверенности, становясь все более открытой системой и требуя для себя другую образовательную среду, которая сделала бы этот процесс суверенизации непрерывным и сообразованным с ним. Теория и практика образования должна включить в число своих приоритетных задач особую задачу по сообразованию этих требований с образовательными действиями и воздействиями. Образовательные проекты должны соответствовать этим ожиданиям, т.е. должны быть сообразованы с теми закономерностями становления человеческого в человеке, которые нельзя игнорировать или пытаться обойти с помощью даже самых современных образовательных (педагогических) «технологий». Только при соблюдении такого соответствия можно обеспечить режим саморазвития человека в условиях институционально понятого образования. Ребенок человека – это особый феномен, сущность которого составляет сконцентрированная в пределах его маленького тела возможность (стать человеком), находящаяся в состоянии напряженного ожидания тех внешних условий, взаимодействие с которыми позволит этой возможности превратиться в действительность. Эквифинальность – динамическое свойство образовательной системы, организующей перевод детей, выходящих к общему старту из различных начальных состояний, в одно и то же финальное состояние – стать человеком, быть человеком. Закономерности же лежат не в разнообразии путей перехода, что само по себе понятно, а в наличии тех устойчивых стадий и этапов, которые обязательно пройдет ребенок, прежде чем станет полным (или целым) человеком – суверенной личностью, способной к инновационной деятельности как по отношению к миру, так и себе самому (самостроительство, саморазвитие и т.д.).

Собственно психологическое исследование человека начинается в том случае, когда сознание, психика, психическое вообще начинают пониматься через ту миссию, которую они выполняют в системе целостного человека, обеспечивая ему возможность становиться (и оставаться) открытой самоорганизующейся системой, режимом существования которой является саморазвитие.

Одним из значимых показателей эффективности современного образования является создание условий для повышения конкурентоспособности личности, развития инновационной сферы, формирования трудовых ресурсов, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал страны, обеспечения социальной и профессиональной мобильности, формирования кадровой элиты общества. Особую актуальность приобретают задачи создания принципиально новых условий и нового пространства функционирования интеллектуально одаренной молодежи в регионах с высоким инновационным потенциалом. Проблема, однако, заключается в том, что ни теория, ни практика образования до сих пор напрямую не сталкивались с проблемой проектирования и реализации такой образовательной среды, которая была бы непосредственно направлена на подготовку «инновационной личности». Такой личности, отличительными признаками которой были бы развитая мотивация к

инновационной деятельности, высокий потенциал самореализации, готовность к изменению сложившихся поведенческих стереотипов, толерантность к неопределенности и другие качества, которые можно объединить понятием «инновационный потенциал личности».

В контексте данного подхода инновационный потенциал человека понимается как личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения [12]. Одним из таких условий выступает модальность эмоционально-установочного комплекса, позволяющая человеку включаться в режим саморазвития (перевода возможностей в действительность), когда в окружающей среде открывается возможность перехода в такой режим. ИП включает в себя:

1. Личностные качества, такие как толерантность к неопределенности, способность к оправданному риску, ответственность, потребность в самореализации, мотивация достижения, рефлексивность, креативность (качества интеллекта, интеллектуальная инициатива).

2. Компетенции, прежде всего такие как проектная компетенция, коммуникативная компетенция, информационная компетенция.

3. Витальность (особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира, жизнестойкость, суверенность, трудоспособность, мобилизационный потенциал, уровень саморегуляции, ориентация человека на определенное качество жизни).

В этой связи особый смысл обретают многолетние исследования инициации (порождения) мышления в связи с проблемой инициации инновационной деятельности [7]. Чрезвычайно актуальными становятся вопросы о том, откуда возникает, как регулируется «свободное действие», «сверхнормативная деятельность», «сверхнормативное поведение», «надситуативная активность» и т.д. За этой проблемой стоит действительно глобальная проблема психологических механизмов саморазвития человека за пределы всяческих «норм» и «требований ситуации», проблема порождения человеком собственных норм («нормотворчество»), проблема «психологического гетеростаза», непонятно-го с точки зрения его реализации в конкретной ситуации.

Мышление как основание творческой деятельности всегда есть *выход* за пределы нормы, стандарта, традиции, т.е. выход за пределы некоторой *системы* (функциональной, нормативной, институциональной). Но для последующего *возвращения* в систему, без которого «творение» всё-таки бессмысленно, необходимо если не *оправдание*, то, во всяком случае, *объяснение* творческой, инновативной интенции субъекта.

В понятии «инициация» можно усмотреть два различных корня: «порождение» (возникновение, становление) и «инициатива» (целеобразующее начинание, свободное от интенции на конечный результат). В понятии «инициация» сливаются оба аспекта – и порождающий и инициативный, процессуально-деятельностный и собственно личностный. Их нельзя развести, как нельзя оторвать процесс порождения «новой нормы» от ситуации деятельности, в которой она сформировалась (и которая регулировалась «старой нормой»), и от личности, которая обнаружила в ходе деятельности возможность для саморазвития, реализовав тем самым присущий ей уровень «инновационной инициативы».

Решение проблемы инициации инновационной деятельности возможно в том случае, если сделать основным предметом исследования не отдельные психические качества, свойства и состояния, а комплексы, интегративные целостности, в которых существуют внеситуативные и ситуативные образования, обеспечивающие устойчивость и подвижность деятельности, являющиеся внутренним условием трансформации деятельности. В контексте понятия «самоорганизующаяся психологическая система» стал выявляться истинный смысл взаимосвязи эмоций и установок. Они выступили как единый комплекс, внутри которого уже нельзя выделить эмоцию или установку, комплекс, который не сводится к их простой, арифметической сумме, а представляет собой системное, интегративное свойство, характеризующее всю систему. Оно было определено понятием «эмус» (по начальным буквам слов «эмоция» и «установка»). Регулятивный характер эмоционально-установочных комплексов заключается в интеграции оценки ситуации и готовности действовать в ней определенным образом, обеспечивая устойчивость и подвижность инновационной деятельности на стадии ее возникновения.

Методологические и теоретические исследования, проведенные авторами статьи, позволили сформулировать представление о мотивации к инновационной деятельности как интегральной характеристике человека, обуславливающей инициацию (порождение) инновационной деятельности и включающей в себя две составляющие: инновационный потенциал личности и мотивационную готовность к инновационной деятельности. При этом мотивационная готовность к инновационной деятельности в общем виде определяется как способность человека к изменению устоявшихся форм поведения в условиях вариативной социально-экономической среды. Психологически это проявляется в инициировании инновационной деятельности в тех условиях, когда в среде открываются возможности, соответствующие инновационному потенциалу человека, т.е. личностному ресурсу, выступающему в качестве базального основания возникновения побуждения к инновационной деятельности [11].

Эти определения дают однозначное понимание того, что мотивация к инновационной деятельности является *системной* характеристикой, поэтому анализ одного из элементов этой системы – мотивационной готовности к инновационной деятельности – невозможно осуществлять вне связи ее с другим базовым элементом – инновационным потенциалом.

В рамках данных концептуальных построений инновационное поведение понимается как поведение, которое осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов и иницируется не системой периодически актуализируемых (воспроизводимых) потребностей, но возникает инициативно в тех точках жизненного пространства человека, в которых сходятся между собой как минимум три фактора:

- 1) возможность человека, представленные его личностным, духовным, творческим, интеллектуальным и т.д. потенциалом;

- 2) среда, отвечающая этим возможностям, т.е. размеченное ценностно-смысловыми «маркерами» пространство, в котором возможна самореализация;

- 3) готовность человека реализовать свои возможности «здесь и теперь» [12].

В феноменах инновационного поведения проявляет себя особая, только человеку присущая форма перехода возможности в действительность, т.е. заявляет о себе процесс саморазвития человека. Мышление включено в этот процесс и выполняет в нем важнейшую функцию: оно опосредует процессы перестройки образа жизни и образа мира, добиваясь временного «консенсуса» между ними, необходимого для удержания человеком собственной целостности как устойчиво (само)развивающейся системы.

Вектор становления человеческого в человеке проходит по линии его все большей открытости, наращивания возможностей и превращения их в действительность, поиск сред, которые отвечали бы растущим возможностям, все большее «сваливание в поток». Современная образовательная среда во многом не отвечает по своей сложности и разнообразию возможностям человека. Людей, которые оказываются втянутыми в поток самодвижения (инициативного действия, саморазвития, самореализации), слишком мало в современной образовательной практике. В этой связи необходимо создавать образовательные пространства, ориентированные на так называемые «школы потока», школы позитивно понятых закономерностей самодвижения человека в пространстве совместно-распределенной деятельности, в котором, с одной стороны, наращиваются возможности человека, а с другой стороны, закономерно усложняется организация самой среды в процессе превращения возможностей в действительность. Педагоги, осмыслившие это, превращаются в антропотехников, а психологи, зондируя процесс человекообразования и предвосхищая наступление очередного этапа в нем, становятся сопроектировщиками новых, все более усложняющихся образовательных сред.

Личностный аспект подготовки специалиста для инновационного сектора экономики приобретает сегодня особое значение, поскольку профессиональная деятельность в период «глобальных инноваций» основана на расширении границ осознания человеком своих возможностей, самостоятельной активности в определении альтернативных и эффективных для конкретной ситуации профессиональных сред и способов самореализации, обретении согласия с самим собой в контексте задач общества. В обращении в этом аспекту подготовки специалиста видится возможность адекватного ответа высшей школы на серьезный вызов к современному образованию, заключающийся в признании того факта, что наиболее важным и значимым ресурсом общественного

и экономического развития страны становится человеческий ресурс. В этой связи современное образование представляется не просто сферой *воспроизводства* академического знания, передачи и усвоения «прошлого» опыта, оно приобретает статус *производства*, образования человеческого ресурса и капитала. Необходимо такое понимание сути инноваций в высшей школе, которое позволяет рассматривать их в контексте антропологических оснований проектной и инновационной деятельности в образовании.

Основные исследовательские приоритеты в рамках данного направления сосредоточены на решении задач разработки и реализации таких психолого-образовательных программ и технологий, которые:

- обуславливают «личное присутствие» человека в своем образовании, возможность его *участия и влияния* на свое образование;
- обеспечивают формирование и формулирование им своих *образовательных установок, образовательных инициатив* и их реализацию в образовательной, профессиональной, исследовательской деятельности;
- создают условия для *образовательного* выбора и определения человеком своего пути, индивидуальной образовательной траектории;
- обеспечивают подготовку к *инновационной деятельности*, к деятельности в ситуациях неопределенности, высокой конкуренции рыночных отношений;
- формируют *компетенции* эффективного группового взаимодействия, эффективной коммуникации и совместной деятельности, необходимые для жизни человека в открытом пространстве.

Нами отработано представление о психолого-образовательном сопровождении процесса вхождения молодежи в инновационную деятельность как особой культуре социализации индивидуальности, формируемой и культивируемой на основе реализации принципа соответствия возможностей человека (обучаемости в том числе) такой образовательной среде, которая этим возможностям отвечает. В этом случае образовательная среда становится развивающей образовательной средой – в ней возможности превращаются в действительность (становление). Такая сообразованная с возможностями человека образовательная среда превращается в открытое образовательное пространство – в ней человек (как открытая система) обнаруживает ресурсы саморазвития, а его возможности становятся потенциями, т.е. обретают силу на самоосуществление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Reich Robert B. The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. N.Y.: Vintage, Boors, 1992.
2. Drucker, Peter F. Post-Capitalist Society. N.Y.: Harper Collins, 1993.
3. Castells M. The Institutions of the New Economy. Lecture at 'Delivering the Virtual Promise' Conference, Queen Elizabeth Hall, London, 19 June 2000. Режим доступа: www.brunel.ac.uk/research/virtsoc/text/events/castells.htm
4. Ключко В.Е. Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология образования. 2008. № 8. С. 9–21.
5. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
6. Klochko Vitaly Y. Modern Psychology: Systems Meaning of a Paradigm Shift // Psychology in Russia: State of the Art / Ed. by Y. Zinchenko & V. Petrenko. Moscow: Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008. 388 p.
7. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск, 2005.
8. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 60.
9. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995.
10. Галажинский Э.В. Детерминация и направленность самореализации личности. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 182 с.
11. Галажинский Э.В. Перспективные направления психологического обеспечения образовательных проектов в регионе с высоким инновационным потенциалом // Психология образования. 2008. № 8. С. 4–10.
12. Психология инновационной деятельности: тезаурус (словарь, охватывающий специфику профессиональной лексики) / Сост. Э.В. Галажинский, В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. 24 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 26 апреля 2009 г.